

Автор этой публикации - ветеран Второй мировой войны, она была участником и свидетелем Сталинградской битвы, сыгравшей решающую роль в разгроме нацистской Германии. Мы предлагаем вниманию читателей фрагменты военного дневника Изабеллы Гольдрайх!

Изабелла ГОЛЬДРАЙХ, Тель-Авив

22 июня 1941 года

В этот день у меня была консультация по географии Германии - изучала этот предмет как студентка первого курса немецкого факультета Московского государственного педагогического института иностранных языков (ныне - Лингвистический университет). Когда шла по коридору института, услышала по радио сообщение Молотова о том, что утром фашистская Германия без объявления войны напала на СССР и перешла западную государственную границу по всей линии фронта от Балтийского до Черного морей. Вошла в аудиторию, молча села за стол. Задавались обычные вопросы. Одной студентке был задан вопрос: "Какой политический строй в Германии?" и она ответила, как нас тогда учили: "Диктатура национал-социализма". Я не выдержала, встала и громко сказала, что в Германии диктатура фашизма и что сегодня в 4 часа утра без объявления войны немцы напали на нашу страну. Консультация прекратилась: одни побежали к телефону, другие - домой.

1 июля 1941 года

Меня как члена бюро комсомола направили с большой группой студентов на строительство метро. Работали мы разнорабочими на большой глубине - до 50 метров. Нам выдали форму метростроевцев: комбинезоны, каски, ботинки. Мы копали, откачивали воду, которая непрерывно капала на голову, носили кирпичи, раствор и даже сами бетонировали.

13 октября 1941 года

У нас было комсомольское собрание, принял решение идти в народное ополчение. Два дня ждала повестку, а 16 октября решила поехать в институт. Метро не работало, пошла пешком.

В это время в здании института разместили штаб отряда истребителей танков дивизии народного ополчения. Я, Вера Соловьян и Дора Эпштейн вступили в этот отряд. Нас зачислили в санитарное отделение.

О том, как бросать связки гранат, нам едва успели рассказать. Познакомились только со схемой фугасной гранаты Ф-2, а бросать дали сразу связку. Первая же из нас метнула гранату на 3-4 метра перед собой. Раздалась команда командира: "Вдавись в землю!". Но мы сделали это, не дожидаясь команды. Нас оглушило, минут десять пролежали неподвижно. К счастью, никто не пострадал. Это и было наше боевое крещение.

7 декабря 1941 года

Раздался звонок, я взяла трубку и услышала незнакомый голос: "С вами говорят из штаба обороны города Москвы". Было уже около 9 часов вечера, на улице мороз около 40 градусов, но мне было приказано немедленно явиться в штаб, который находился на улице Степана Разина в центре Москвы. Транспорт не работал, пошла пешком. Москва не освещалась, была полностью затемнена. Изредка останавливали патрули. Лишь в

СТАЛИНГРАДСКИЙ ДНЕВНИК

Автор, Изабелла Гольдрайх, во время войны и в послевоенные годы

3 часа ночи прибыла к месту назначения. Там меня ждали.

Водили из кабинета в кабинет, говорили со мной то по-русски, то по-немецки, задавали разные политические вопросы, давали переводить с русского на немецкий и с немецкого на русский. Утром объявили, что меня назначили инструктором политотдела 64-й армии по работе среди войск и населения противника.

Вскоре армия приняла участие в наступлении наших войск под Москвой. Появились пленные. Особенно запомнился первый: это был эсэсовец, майор медицинской службы. На нем была очень длинная шинель, фуражка с кокардой, перевязанная теплым платком. На одной ноге - хромоный сапог, на другой - мешок, перевязанный веревкой. Он сидел на стуле и дергался. "Господин доктор, - спросила я, - что означает ваше поведение?". Он ответил: "Извините, выш заели". Этот доктор был убежденным нацистом: он изложил 12 аргументов в доказательство того, что Гитлер обязательно должен выиграть войну.

2 июля 1942 года

Проводили совещание инструкторов политотделов дивизии. Перед обедом вдруг объявили тревогу. А у меня был день рождения, исполнилось 20 лет, и наши машинистки нарядили меня в коричневый панбархатный костюм. Когда была объявлена тревога, меня повсюду искали и требовали, чтобы встала в строй, а я в таком виде не могла показаться на глаза начальству.

В столовой в обед нам выдали традиционные сто граммов водки по случаю победы под Ельней, во взятии которой участвовали подразделения нашей армии. В этот день объявили, что нас направляют на Сталинградский фронт. Везли в эшелонах, в товарных вагонах через Донские степи. Высадили на станции Пруд-

бой среди степей, где росли только польны и бурьян.

20 августа 1942 года

Меня направили в командировку в Сталинград, где находилось политуправление фронтом. Много дней и ночей десятки немецких самолетов пытались прорваться к городу, но их не подпустили близко наши зенитки.

Но в августе немцам удалось разбомбить транспорты на Волге и склады боеприпасов, тогда вдруг замолчали зенитки - не было больше снарядов. Город остался без защиты.

23 августа 1942 года

На город обрушились сотни самолетов, его бомбили день и ночь. Сталинград горел, он был почти разрушен, погибли тысячи мирных жителей в домах и бомбоубежищах, уцелели люди лишь в щелях, вырытых во дворах и на улицах.

Наши войска стойко держали оборону на Дону, непре-

рывно отражая многочисленные атаки противника и прорывы на разных участках фронта. Но в конце августа немцам удалось в районе Калача сконцентрировать такое количество авиации, танков, артиллерии и другой техники, что оборона была прорвана. Наши дивизии вынуждены были оставить свои позиции на Дону.

30 августа 1942 года

Штабу армии и политотделу пришлось отступать к Волге. Это был страшный "блиц-драп", который усугублялся для нашего отряда еще и тем, что трус-начальник удрал один на нашей грузовой машине. За это он был снят с должности. Нам пришлось очень трудно. Хорошо еще, что нас подбирали другие отделы. Самолеты бомбили, танки шли за нами следом. Мы закрепились на окраине Сталинграда. Началась тяжелая оборона.

В одном из боев сбит летчик-аса графа Генриха фон Айнзиделя, внука Би-

смарка, на его счету было 35 сбитых самолетов. Как аристократ, он критически относился к Гитлеру и подчеркивал, что его дед говорил: Германии никогда не надо воевать с Россией. Летчик фон Айнзидель очень беспокоился о своей матери - она не знала, где он и что с ним. Наше командование посоветовало ему написать письмо. Это был единственный способ сообщить о себе: только из этого письма-листочка мать сможет узнать, что он жив. Эту листовку я корректировала, она была отпечатана в тысячах экземпляров и действительно дошла до Германии.

Как инструктор политотдела армии я должна была регулярно составлять передачи для нашей радиоустановки, которая называлась "мощная громкоговорящая установка (МГУ)". Для того, чтобы составлять эти передачи, ежедневно нужно было слушать сводки германского верхнего командования, речи Геббельса, другие политические передачи и переводить их или составлять информации для командования. Из опросов пленных мы также выбирали материалы для наших передач. Из переведенных трофейных документов также получали материал для составления радиопередач о политико-моральном состоянии противника. Когда МГУ приезжала в часть, чтобы вести радиопередачу, машину старались поставить подальше от расположения наших бойцов. Как только мы запускали передачу, нас тут же начинали обстреливать и освещать ракетами.

8 ноября 1942 года

Стояли сильные морозы, метели и снежные бури. Снабжение было сильно затруднено, кормили пшеничным супом и седедкой даже в штабе армии. Помогало то, что хлеб все-таки был и выдавали его по зимней норме (900 граммов в день). Фашисты упорно рвались к Волге, но на участке 64-й армии им не удалось прорваться. Упорные бои шли за каждый этаж, за каждый подвал. Это были самые тяжелые дни обороны Сталинграда.

Мне пришлось быть в части, где фронт проходил по цокольному этажу одного большого дома довольно длительное время. Бойцы молча менялись местами, залопзали на свои позиции как можно тише. Нельзя ни шевельнуться, ни разговаривать, ни курить. Нужно было держать оборону, на все реагировать быстро и осторожно с учетом обстановки.

19 ноября 1942 года

Узнали, что переходим в наступление. После длительной и тяжелой обороны это было для нас неожиданным и радостным событием, прыгали от радости, как дети. Наступление было подготовлено очень скрытно и организованно настолько хорошо, что удалось прорвать оборону на участке, где находились румынские дивизии. За два дня было завершено окружение 6-ой немецкой армии под командованием фельдмаршала Паулюса. Эта операция проводилась двумя фронтами: Донским и Сталинградским. Было взято много пленных и документов. Для сортировки этих документов в мое распоряжение был выделен весь резерв политотдела армии. Они должны были сортировать документы по номерам дивизий и по числам, чтобы я могла выбрать самые важные и быстро переводить их для нашего командования.

19 ноября 1942 года

Сбит немецкий самолет, который летел в Германию. В нем было несколько полковников и генерал, документы, почта. В том числе не отправленное письмо другого генерала к жене, где он писал, что положение их теперь очень тяжелое, хуже, чем в 18-м году и просил помолиться за него. Первую часть письма я перевела быстро, перевод же второй части был очень затруднен из-за неразборчивого почерка и мелкого готического шрифта. Даже пленные офицеры-немцы не могли его прочесть, а Москва срочно требовала перевод. Каждые 30 минут звонили из ставки Хрущева, который был членом военного совета фронта. Кстати, Хрущев написал листовку от имени немецких военнопленных, которая начиналась словами: "Братья немцы!" и содержала много других специфических русских выражений, над переводом которых пришлось поломать голову.

6-я армия предпринимала отчаянные попытки вырваться из окружения. По всему фронту шли жестокие бои. Гитлер бросил на помощь мощную армию генерала Манштейна и танковую армию Гудериана. С нашей стороны участвовали армии бывшего Донского фронта, новые дивизии из Сибири, много танковых дивизий и артиллерии. Наиболее упорные бои шли в районе станции Абганерово и в районе Котельникова. Разгорелось грандиозное Сталинградское сражение, которое шло непрерывно дни и ночи. Морозы достигали 48-50 градусов. Раненые замерзали на снегу. Контрнаступление гитлеровцев и все их многочисленные контратаки были успешно отбиты.

Немцы нашего наступления не ожидали, они рассчитывали зимовать под Сталинградом, заставляли наше население строить для них добротные блиндажи из бревен и строганных досок, обеспечивать на зиму дровами. Офицеры позволяли себе спать в одних ночных рубашках до полу.

Как-то ночью мы мчались по заснеженной степи, пытались найти дорогу на метель. Вдруг при свете фар увидели регулировщика в степи. Подъехали - это оказался замерзший немец...

31 декабря 1942 года

Под новый год у нас было предпраздничное настроение. Делегация из Узбекистана привезла подарки, каждому дали по три больших яблока и пакетку орехов. Нас соборали в блиндаже политотдела. Там было тесно и тепло. Военторг нам тоже сделал новогодний подарок - дал шикарную копченую селедку и сгущенное какао.

8 января 1943 года

Вокруг 6-ой немецкой армии сомкнулось второе, более плотное кольцо. Основные силы 6-ой армии разбиты. Начался штурм.

10 января 1943 года

Немецкой армии под командованием фельдмаршала Паулюса, окруженной в Сталинградском котле, был предъявлен ультиматум. Послали парламентария майора Дятленко из политотдела фронта. Чтобы он достойно представлял Красную армию, достали новую меховую шапку, хромовые сапоги. Его сопровождали знаменосец с белым флагом и барабанщик.

Немцы. водили их целый день по разным штабам с завязанными глазами и отпустили, не дав никакого ответа. Мы активизировали свою работу: ультиматум отпечатали в тысячах экземплярах и

разбросали самолетами по всей линии фронта. На передовой рупористы по ночам читали короткие сообщения, передавались программы по радиоустановкам. Через три дня четыре немецких солдата сдались в плен. Это было очень важное событие, поскольку до этого немцы не верили в возможность сохранения жизни в советском плену.

На высоте 100,2 застали замерзших солдат.

Уговорили их вернуться в свой батальон, чтобы сагитировать остальных сдаваться, разъяснить, что жизнь им будет сохранена. Они не боялись вернуться в свой батальон, потому что знали: командир капитан Курт Майзель и его заместитель не состояли в нацистской партии. Этот батальон в полном составе действительно сдался в плен вместе с капитаном. Для допроса пленных приехали начальник разведки Рыжов, начальник штаба армии и другие.

Пленных встретили торжественно. Майзель подтвердил наши данные о том, что им на день выдавали 50 граммов хлеба, 100 граммов воды и 100 граммов мяса. Очень важно было проверить правдивость тех разведанных, которые мы получали от пленных. Это помогало нам более конкретно составлять радио-передачи для противника. Мы вели картошку, имели данные на командиров немецких дивизий и даже батальонов. О факте сдачи в плен батальона Курта Майзеля было напечатано в газете "Правда".

20 января 1943 года

Шел непрерывный штурм группировки. В эти дни была окружена целая дивизия и взят в плен командир дивизии генерал Дреббер. Для беседы с ним приехал Артур Пик, сын секретаря Германской компартии Вильгельма Пика. Первый вопрос, который генерал Дреббер задал Артуру Пик: "Вы рейхсдойчер (уроженец и житель Германии)?" "Да", - ответил Пик. "Что-то мне знакома эта фамилия", - сказал генерал. "Вы же были жандармским генералом, а в жандармерии наша фамилия хорошо известна", - ответил Пик.

22 января 1943 года

Была окружена дивизия генерала фон Лойзера. Его адъютант - обер-лейтенант, немец, родившийся в Москве, который думал лишь о том, как спасти свою жизнь. Он убедил своего генерала в том, что русский плен существует, что он сам согласен пойти парламентарем к русским. Обер-лейтенант пришел с белым флагом в сопровождении знаменосца и барабанщика, оговорил условия сдачи. И дивизия организованно сдалась в плен.

Наши генералы сами общались с адъютантом, он отлично говорил на русском языке. Безусловно хотел выступить перед советским командованием, показать себя с лучшей стороны и поэтому с большим пафосом говорил, что он пошел парламентарем не для того, чтобы спасти своего генерала, а для того, чтобы спасти хоть несколько русских жизней. Когда немцы подходили к Москве, он рассказывал, его сердце обливалось кровью. Он не хотел, чтобы Москву - его родной город, - постигла участь других мест, захваченных немцами. Поток пленных увеличивался быстро.

Допрос фельдмаршала Паулюса

29 января 1943 года

29 января была окружена и взята в плен дивизия генерала фон Дебца. Он мотивировал свою сдачу тем, что сдавшаяся ранее дивизия оголила его левый фланг. Говорил, что фельдмаршал Паулюс не сдастся в плен, что будет держаться до последнего.

30 января 1943 года

Побыв ночь в плену, генерал Дебц сказал: "Если вы сюда же поместите пленного Паулюса, то приготовьте другой топчан, этот очень короткий, а у него рост 2 метра 4 сантиметра". В эти же дни были взяты в плен два румынских генерала, командиры дивизий, которые два дня молчали, мотивируя это тем, что они не понимают ни по-русски, ни по-немецки. Когда же им сказали, что завтра будет переводчик с румынского, они заговорили на чистом русском языке. Это были бывшие белогвардейцы, служившие в румынской армии, которые по показаниям румынских солдат подвергали их телесным наказаниям, разрешенным в румынской армии.

Пленных румын было так много, что для их солдат ставили щиты с надписью на румынском языке: "Здесь сдаются в плен". Когда у щита собралось много румынских солдат, их отправляли в штаб к начальнику отдела фронта полковнику Тюльпанову даже без конвоя.

31 января 1943 года

Наши разведчики давно замечали, что в подвале универмага находится какой-то штаб. Бригада, которой командовал генерал-майор Бурмаков, а комиссаром был подполковник Винокур, приблизилась к этому подвалу. Винокур заговорил с немцами, но они отказались с ним общаться. Вышел какой-то генерал и сказал, чтобы к ним прислали равных по званию, тогда они будут разговаривать. Командующий 64-ой армией генерал-лейтенант Михаил Степанович Шумилов, узнав об этом, назначил комиссию во главе с начальником штаба армии генералом Ласкиным. Как нам рассказывал полковник Мутовин, универмаг был завален нечистотами: поскольку немцы боялись себя обнаружить, они ничего не выбрасывали.

Для нас был сделан ход через окно. Первым к нам вышел начальник штаба 6-ой немецкой армии генерал-полковник Шмидт. Он сказал, что Паулюс болен и сложил с себя обязанности командующего армией, передав командование двум командирам корпусов. Комиссия потребовала, чтобы фельдмаршал Паулюс вышел к ним.

Шмидт сказал, что Паулюс просит подождать 20 минут, чтобы привести себя в порядок. По истечении 20 минут снова вышел генерал-полковник Шмидт и сказал, что Паулюс просит подождать еще 20 минут. Тогда члены комиссии сказа-

ли, что они больше ждать не будут и вошли в комнату, где находился фельдмаршал, потребовав, чтобы Паулюс предъявил документы. Тот ответил, что документов у него нет, поскольку звание фельдмаршала он получил по радио. Документов на генерал-полковника у него тоже не оказалось. Единственное, что он смог предъявить нашему командованию, это солдатскую книжку на имя ефрейтора Фридриха Паулюса. Следующий вопрос: "Есть ли у вас ампула с ядом?" Паулюс ответил: "Конечно. Шмидт дал мне ампулу с цианистым калием". Затем его спросили, хотел ли он принять яд. Паулюс ответил: "Ни в коем случае. Шмидт дал мне вину за поражение свалили на меня. А я трижды обращался к фюреру, доказывая ему нецелесообразность оставаться на зиму в Сталинграде". Это действительно было так, потому что я переводила такие радиogramмы, перехваченные в октябре, ноябре и декабре. В ответ на последнюю радиogramму ему было присвоено высокое звание с намеком на то, что фельдмаршал не имеет права сдаваться в плен.

Шмидт и другие генералы очень беспокоились за свою жизнь. Они просили, чтобы впереди них шла грузовая машина и были очень перепуганы, когда недалеко от них разорвался снаряд. Паулюс держался спокойно, на вопросы отвечал кратко. Он сказал генералу Шумилову: никогда не мог подумать, что его возьмет в плен такой молодой генерал. Михаил Степанович Шумилов был высоким и широкоплечий, цветущий мужчина 47 лет, а Паулюс был очень высокий, седой, изможденный, хотя ему было тогда лишь 52 года.

Паулюса вскоре переправили в штаб Рокоссовского. Нам были переданы пленные со всего Сталинградского фронта - 91 тысяча человек.

2 февраля 1943 года

Было решено провести в Сталинграде парад победы. Премьер-министр Великобритании Черчилль сказал, что это еще не конец войны, но это начало конца, поскольку надломлен боевой дух немецкой армии. За два дня были собраны музыканты и некоторые части, пленные прошли между руин Сталинграда, несмотря на мороз 45-48 градусов. Парад прошел очень торжественно. В нас крепла уверенность в том, что мы победим. Тысячи жителей города вышли на улицы.

Когда проходила колонна военнопленных во главе с офицерами, немецкие солдаты были готовы наброситься на них за то, что они заставляли их держаться до последнего, а сами с легкостью сдались в плен, уверенные в том, что им будет сохранена жизнь. Наши солдаты должны были защищать пленных немецких офицеров от ненависти и справедливого гнева собственных солдат. Несмотря на все пережитое, наше население смотрело на них спокойно, испытывая гордость от того, что увидели своих завоевателей в таком жалком виде. У всех прибавилось уверенности в нашей окончательной победе.

В этот день в Германии был объявлен трехдневный государственный траур. Все газеты и журналы вышли с огромными портретами Паулюса на всю первую полосу в черной рамке. Фельдмаршал был национальным героем Германии, награжденным двумя рыцарскими крестами с бриллиантами. Печатались портреты других генералов, также в черных рамках. По радио звучала траурная музыка и заулыбайные молитвы. О факте сдачи в плен генералов, офицеров и солдат замалчивалось до конца войны...

ЭТО БЫЛО В СТАЛИНГРАДЕ

Мало кто знает, что в пленении фельдмаршала Паулюса участвовали евреи

Недавно я попала в больницу "Ихилов". Со мной в палате лежали ватиким и сабры. Когда я захотела рассказать им, как воевали евреи во Второй мировой, одна коренная израильянка сказала: "Во Вторую мировую воевали американцы, а русские? Да их самих штыками подгоняли, а уж евреи..." Меня это так задело...

В октябре 1941 года я вступила добровольцем в дивизию народного ополчения Фрунзенского района города Москвы. В это время сотни тысяч москвичей, рабочих, ученых, поэтов, изобретателей, профессоров и школьников старших классов вступали в дивизию народного ополчения, созданные в каждом районе города. Среди них было очень много евреев.

8 декабря 1941 года меня назначили инструктором политотдела 64-й армии. В июле 1942 года, в день своего двадцатилетия, я узнала, что нас направляют в Сталинград. Война шла уже второй год. Это было очень тяжелое время для всей страны. 64-й армией командовал генерал Шумилов. Начальником штаба был полковник Ласкин. Заместитель командующего Юго-Восточным фронтом генерал Голиков писал, что

штаб 64-й армии был наиболее организованным из всех армейских штабов. Полковник Ласкин был очень опытным и требовательным офицером, и его штаб работал, как хорошо отлаженный часовой механизм. 31 декабря 1942 года ему было присвоено звание генерал-майора. Его заместителем был тоже еврей Борис Ильич Мутовин. Он прибыл к нам в политотдел из госпиталя. До этого был комиссаром танковой части, которую вывел из окружения. Он был 11 раз ранен и просил товарищей, чтобы они его бросили, так как у него все равно нет шансов выжить. Однако бойцы несли командира десятки километров и все-таки добрались с ним до госпиталя. Когда он прибыл к нам, он прихрамывал, на руках и лице у него были следы сильных ожогов. В политотделе он был начальником оргинструкторского отдела. Через некоторое время его назначили комиссаром штаба, а в декабре – заместителем начальника штаба.

Дни и ночи десятки рупористов, среди которых было немало евреев, ползая по передовой под покровом ночи, то и дело выкрикивали: "Вы не смогли взять Москву, и вам не взять Сталинграда". Регу-

лярно по ночам велись передачи из окопных громкоговорящих установок для немецких солдат и офицеров. Когда же мы выезжали проводить передачу на нашей радиостанции, установленной на машине, нас просили становиться подальше от боевых позиций, чтобы, открывая огонь по радиостанции, немцы не могли обстрелять наши позиции. Когда мы начинали передачу, немцы навешивали над нами осветительные ракеты и при этом нередко кричали: "Русс, плати за освещение". Передачи также велись с самолета У-2, который был один на весь фронт. Вел передачу с самолета и Лев Овсищер, проживающий ныне в Израиле.

29 января 38-й мотострелковой бригаде под командованием генерала Бурмакова и комиссара Винокура и приданному ей 329-му саперному батальону было приказано окружить штаб 6-й немецкой армии. Винокур пытался начать переговоры о сдаче в плен 6-й армии, но полковник Адан, адъютант фельдмаршала Паулюса, заявил, что немецкое командование будет говорить только с равными по званию. Узнав об этом, командующий 64-й армией Герой Советского Союза генерал-полковник Шумилов назначил делегацию во главе с начальником штаба 64-й армии генералом Ласкиным. В работе делегации принимал участие и переводчик 7-го отдела Александр Тейтельбаум.

Парламентеры потребовали от генерала Шмидта, начальника штаба 6-й немецкой армии, немедленно отдать приказ о прекращении огня и доложить о прибытии нашей делегации Паулюсу. Кроме этого, делегация потребовала, чтобы немедленно провели телефонную связь между штабом 6-й немецкой армии и штабом нашей 64-й армии. Генерал Шмидт выполнил все эти требования. Но Паулюс заявил через Шмидта, что он передал командование армией командирам двух корпусов и поэтому подписывать акт о капитуляции не будет. Акт о капитуляции 6-й немецкой армии подписали начальник штаба генерал Шмидт и командующий 21-м мотострелковым корпусом генерал-майор Росске. Когда наши потребовали, чтобы к ним вышел фельдмаршал Паулюс, то начальник штаба Шмидт сказал, что Паулюс нездоров и просит 20 минут, чтобы привести себя в порядок. Когда прошло 20 минут, генерал Шмидт сказал, что Паулюс просит еще 20 минут. Тогда члены нашей делегации вошли в его комнату и потребовали у него документы. В ответ на это фельдмаршал Паулюс сказал, что звание фельдмаршала ему присвоили по радио, и поэтому у него нет документов. Но документов на имя генерал-полковника у него тоже почему-то не оказалось. Единственным документом, который он сумел предъявить, была солдатская книжка на

■ Фельдмаршал Паулюс командовал 6-й немецкой армией

имя ефрейтора Фридриха Паулюса. Следующий вопрос, который был задан Паулюсу: есть ли у него ампула с ядом? Паулюс ответил: "Конечно, генерал Шмидт дал мне ампулу с ядом". На вопрос, хотел ли он проглотить ее, он ответил: "Ни в коем случае. Если бы я отравился, то всю вину за поражение под Сталинградом свалили бы на меня. А я трижды обращался к фюреру, доказывая ему нецелесообразность оставаться на зиму в Сталинграде".

Я как участница этих событий хочу, чтобы все евреи мира гордились участниками той войны, такими как генерал Ласкин и гвардии полковник Мутовин, которые внесли свой вклад в разгром 6-й немецкой армии под Сталинградом, участвовали в операции по пленению фельдмаршала Паулюса.

Изабелла ГОЛЬДРАЙХ